

УДК 94(47).05

Н.В. Козлова¹

**«Человек ево, который за дела ходит...»:
«люди боярские» в домах московских дворян петровского
времени**

Дворяне; «люди боярские»; дворовые люди; завещания; брачные связи; деловая активность; имущественное положение; крепостные записи.

В статье характеризуется положение отдельных групп дворовых служителей, их реальный статус, степень зависимости и личной свободы. На основе материалов записных книг Московской крепостной конторы первой четверти XVIII в. рассматривается характер деловой активности, правовое и имущественное положение, связи и отношения тех «людей боярских», кто в источниках обозначался термином «человек». Сделанные наблюдения позволяют увидеть социальную жизнь эпохи петровских преобразований в дополнительных гранях и оттенках.

---

¹ Козлова Наталия Вадимовна, МГУ имени М.В.Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н., kozlova.n.v.i@gmail.com.

Петровская эпоха имеет множество граней и отличительных черт. Одна из характерных ее особенностей связана с масштабной трансформацией социальной структуры общества. Она затронула как правящую элиту, чины «государева двора», «служилого города», так и различные группы тяглого населения. В качестве особого феномена петровского царствования отмечается включение в состав высшего и среднего звена управления лиц из числа боярских холопов.

Подтверждению этому служат биографии «прибыльщиков» А.А. Курбатова и А.Я. Нестерова, московского вице-губернатора В.С. Ершова, комиссаров С.И. Вараксина и братьев Д.А. и О.А. Соловьевых, подьячих И. Хрипунова и Ф. Обыгова. Все они, будучи, как считается, холопами знатных лиц (боярина Б.П. Шереметева, думного дворянина Ф.Г. Хрущова, князей М.Я. Черкасского и Б.А. Голицына, боярина Л.К. Нарышкина), благодаря собственным дарованиям, энергии и активности, используя официальные и неформальные связи, сделали удачную карьеру, обеспечив продвижение и своих родственников. У иных, правда, служебные успехи наряду со взлетами заканчивались трагическими падениями. Однако подобными поворотами судьбы сопровождалась жизнь многих петровских администраторов, не зависимо от их происхождения.

В данной статье речь не пойдет о карьерном росте «новых людей», тем более, что этот сюжет уже достаточно хорошо изучен². Хотелось бы обратиться к характеристике той среды, из которой началось их продвижение в административные структуры. Во всей научной литературе прежнее положение Курбатова, Нестерова, Ершова и других «прибыльщиков» определяется словом «холоп», под которым понимается состояние крепостной зависимости и личной несвободы. Иногда относительно отдельных персон, в частности братьев Соловьевых, уточняется, что они служили «в кабальных холопах»³. В источниках все такие лица, взятые по государеву указу из частных домов, обозначались словами «люди боярские», или «человек ево». Употребление последнего словосочетания сопровождалось указанием на имя самого «человека», а также на имя и статус того чьим «человеком» он являлся, и кто по отношению к «человеку» выступал в качестве хозя-

---

² Из новейших публикаций см.: [7, с. 174-216; 4, с. 314-376; 10, с. 80-101].

³ О том, что Д.А. Соловьев «в прошлых... годах» служил в доме боярина Л.К. Нарышкина в кабальном холопстве, а после его смерти сбежал, похитив боярские пожитки, деньги, «многие крепости и платежные отписи», в 1725 г. доношением в Сенат сообщали сыновья Л.К. Нарышкина морского флота капитан Александр Львович и лейтенант Иван Львович. См.: [8, с. 250-251].

ина и/или господина. Из этого следует, что «человек» такого-то – это слуга в доме или вотчине дворянина (а, возможно, и купца)⁴.

Дворы знати наполнялись многочисленными слугами, в числе которых были как старинные крепостные люди владельца, крестьяне и дворовые, так и те, кто добровольно дал на себя кабальную запись. Немалую часть среди них составляли выходцы из других дворянских домов, получившие «отпускную на волю» и купленные. Встречались также служившие по паспортам и записям отставные солдаты, дети священников, дьячков, пономарей, новокрещенные иноземцы [9, с. 115-116, 139-140, 157-158, 167-168, 174-176, 180-181 и др.]. Они использовались в качестве слуг, конюхов, поваров, садовников, лакеев, были певчими, ткачами, мастеровыми и т.д.

Однозначное определение пестрых в своем составе дворовых людей словом «холоп», ассоциируемым с сугубо зависимым крепостным состоянием, нивелирует различия и не раскрывает особенности положения отдельных групп «людей боярских»⁵. В литературе уже обращалось внимание на необходимость пересмотра, во всяком случае, для петровского времени, мнения о том, что «холопский статус неизбежно влек за собой понижение социального положения» [4, с. 323], имея в виду существовавшую при Петре I практику попадания дворовых людей в государственные структуры. Положение же и специфика отдельных групп «людей боярских», их реальный статус, степень зависимости и личной свободы нуждаются в дальнейшем изучении.

Сделать это помогают документы Московской крепостной конторы, отложившиеся в составе фонда Юстиц-коллегии (№ 282) РГАДА. В записных книгах крепостных контор фиксировались различные сделки, заключавшиеся лицами разного положения и социального статуса. Они касались как хозяйственных (купля-продажа недвижимости, кредитные операции, наем работников, отпуск на волю дворовых людей), так и семейных отношений (семейные разделы, завещания, наследование, вступление в брак и пр.).

---

⁴ Только в годы 1-й ревизии правительство, сохранив за купцами обнаруженных у них крепостных работников, впредь запретило им покупку крепостных «во услужение».

⁵ Центральная власть при решении вопроса о судьбе дворовых людей в домах опальных вельмож, отправляемых в ссылку, исходила из статуса дворовых, тем самым, признавая в нем различия: тем из них, кто служил по паспортам и отпускным, выдавались «свободные пашпорты» для выбора места дальнейшего проживания; старинные же крепостные люди отсылались в их прежние вотчины. См.: [9, с. 116].

Крепостные записи раскрывают характер деловой активности, права, материальный достаток и среду общения тех дворовых служителей, кто в источниках именовался термином «человек». В отдельных случаях появляется возможность предположительно судить об их происхождении.

От лица хозяина «человек», нередко имеющий дополнительное определение, «который за дела ходит», мог оформлять в крепостной конторе различные документы, например, записи об отпуске на волю дворовых людей, мог регистрировать сговорные документы, подписывая от имени своего господина крепостные записи. Право подписи подтверждалось формулой «по приказу господина своего». Например, «к сей записке (*сговорной 1723 г. – Н.К.*) морского флота лейтенанта князя Александра Никитича Прозоровского человек ево, которой за дела ходит, Григорей Гаврилов сын Мокин вместо госпожи своей княгини Прасковьи Васильевны по приказу ее руку приложил, а подлинную для отдания ее к себе взял»⁶.

Среди знати возложение на своих служителей доверительных поручений с правом подписи было обычным явлением. Примеров тому масса. Именно их рукоприкладствами в крепостных книгах пестрят многочисленные записи свадебных документов. Подлинны акты, конечно, скреплялись собственными рукоприкладствами лиц, от имени которых они составлялись. В крепостную контору их предъявляли для регистрации доверенные лица, а по ее завершении подлинны росписи они же получали на руки для отдачи своим господам. При регистрации сговорных требовались подписи двух сторон. В таком случае от лица жениха также мог выступать его «человек». Примером, помимо вышеупомянутой записи сговорной на дочь князя А.Н. Прозоровского, может служить запись сговорной на внучку окольного князя Ивана Степановича Хотетовского княжну Ирину Анисимову. Запись сговорной подписал как «человек» князя Хотетовского Михайло Яковлев, так и от имени жениха, морского флота мичмана Петра Алексеевича Нарышкина, «человек» его Петр Денисов сын Панов⁷.

В случае возникновения у господ каких-то тяжб такой поверенный выступал при допросах, очных ставках и прочих следственных процедурах от лица хозяина⁸. Любопытно, что среди лиц, выполнявших приказную должность, встречались, хотя и крайне редко, неграмотные, не способные даже расписаться. В таком случае за них это

---

⁶ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 544. Л. 34; Д. 943. Л. 593 об.

⁷ Там же. Д. 943. Л. 683 об.

⁸ Там же. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2392. Л. 48–49.

делал кто-то из подьячих Крепостной конторы⁹. Как видно, помимо грамотности, господа ценили и другие свойства и качества личности своих «людей».

Такие служители, помимо чисто приказных обязанностей, как и «деловые люди» прошлых времен, управляли делами и отдельными вотчинами своих господ, могли быть дворецкими в их городских и загородных дворах, поддерживая в них порядок и руководя остававшейся для этого дворней. Штат таких «людей» мог быть значительным [3, с. XLIX].

Помимо забот, возлагаемых хозяином, у такого служителя, как видно, оставалось время, и имелись средства и возможности осуществлять самостоятельные сделки. Об этом свидетельствуют встречающиеся в крепостных книгах записи духовных и сговорных, составленные такими служителями. Они дают возможность представить состояние этой группы лиц. К примеру, в январе 1703 г. «человек» стольника князя Дмитрия Михайловича Голицына Никита Степанов сын Неустроев сговорил замуж дочь свою девицу Стефаниду Никитину дочь за подьячего Монастырского приказа Степана Алексеева сына Шипилова. Помимо икон, он дал за нею «приданого: платья, и кузни, и низанья, и денег по росписи на шестьсот рублей, малой да девка»¹⁰. Такое приданое было вполне «прилично». В первой четверти XVIII в. на 600-650 руб. могло оцениваться приданое, с которым шли замуж дочери и вдовы стольников¹¹, поручиков¹², квартирмистров¹³. Помимо размера приданого о социальном статусе и известной прочности положения Никиты Неустроева свидетельствуют принадлежавшие ему дворовые люди («малой да девка»).

Еще большее приданое в 1703 г. было дано за сестру «человека» боярина Федора Алексеевича Головина Дмитрия Щеглова при выдаче ее замуж за ратушского подьячего Ивана Григорьева сына Колошина. Оно было определено с точностью до деньги – в 705 руб. 3 алтына 2 деньги¹⁴. Приданое племянницы «человека» боярина Льва Кирилловича Нарышкина Дмитрия Беклемешева, в 1703 г. сговоренную в замужество за подьячего, оценивалось в 230 руб. Приданое падчерицы «человека» боярыни вдовы Матрены Степановны Нарышкиной Ивана

⁹ Там же. Оп. 1. Ч. 1. Д. 943. Л. 610 об.

¹⁰ Там же. Д. 541. Л. 47 об.

¹¹ Там же. Д. 539. Л. 55 об.–56; Д. 545. Ч. 1. Л. 60–60 об.; Д. 547. № 321. Л. 221 об.–222 и др.

¹² Там же. Д. 624. Л. 547.

¹³ Там же. Д. 879. Л. 74 об.

¹⁴ Там же. Д. 541. Л. 163 об.

Трифонова, тогда же выданной замуж за жильца (!) Всеволода Ивановича Высевого, оценено в 100 руб.¹⁵ Хотя размер приданого был различным, но в любом случае можно говорить об имущественном достатке лиц, находившихся в услужении. Кстати, и среди чиновного дворянства, приданое в 100-200-300 руб. было нередким. Правда, к нему могли прилагаться и некоторые вотчины, но немало примеров, когда все, что давалось за невесту, оценивалось в 100 руб.¹⁶

Помимо движимого имущества, служители владели недвижимым имением. Судя по духовной, написанной в марте 1713 г., «человек» дома боярина Льва Кирилловича Нарышкина Харитон Иванов сын Шевердин имел в Москве два двора: один за Москвою рекою в приходе церкви Екатерины мученицы у Серпуховских ворот (его он завещал своему внуку, также служившему в доме боярина Нарышкина), а другой находился «под девичьем монастырем». Его следовало продать, а вырученные деньги раздать в поминовение об усопшем¹⁷.

О состоянии «человека» князя А.М. Черкасского Ивана Григорьева сына Баскакова также можно судить по его духовной (1718 г.) [2, с. 251-254]. В ней свой статус или положение Баскаков не обозначил. Но то, что он служил у князя Черкасского, видно из крепостной записи этой духовной, оформленной 28 апреля 1720 г.¹⁸ И.Г. Баскаков оставил жене двор с садом и со всяким строением, 13 икон в окладах, крест, «писан на кипарисе», а сыну – 9 икон в окладах, крест «писан по золоту на кипарисе» и движимое имущество, в составе которого – платье, шляпы, шапки, парики, тесак «павловской работы, насечен золотом и серебром», пара пистолетов, пара же фузей. Шляпы, парики, холодное и огнестрельное оружие – все это элементы уклада жизни дворян-офицеров.

Вполне обустроен быт был и у семьи «человека» стольника И.Т. Стрешнева Ивана Петрова сына Балакирева (1717 г.). Правда, для поминовения его души (на сорокоустье в пять церквей по два рубля в каждую, на вынос тела каждому священнику по гривне, дьяконам по пяти копеек, дьячкам по алтыну, на чтение псалтыри у гроба и на могиле «по чему надлежит») свободных денег не осталось. Для этих целей, согласно завещанию, жене и приемной дочери следовало про-

---

¹⁵ Там же. Д. 541. Л. 121 об., 43.

¹⁶ Там же. Д. 539. Л. 184–184 об.; Д. 877. Л. 706 об.–707, 707 об.–708 и др.

¹⁷ Там же. Д. 624. Л. 559 об.–560.

¹⁸ «...велено своеручную духовную по указу записать... ближнего стольника князь Алексея Михайловича Черкасского человека ево Ивана Григорьева сына Баскакова». См.: РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч.1. Д. 545. Ч. 1. Л. 115–115 об.

дать что-то из платья и разной посуды, деревянной, медной, оловянной и серебряной. Остальное же движимое имущество, та же посуда, с добавлением «и хрустальной», и всякий «мелкий завод» (лошади, кареты, коляски, конская сбруя), а также деньги, «что есть в долгах», делились на указные части между женой и дочерью. Общая стоимость пожитков оценивалась в 100 руб.¹⁹.

Весьма не просто определить социальное происхождение таких «служителей». Отсутствие у них недвижимых имений не исключает, как в случае с И.Г. Баскаковым и И.П. Балакиревым, возможность отнесения их к дворянской среде. О происхождении Максима Самойлова сына Грибенова, служившего в доме генерал-адъютанта князя Юрия Юрьевича Одоевского, предположительно можно судить на основании купчей 1719 г., оформленной им на семью дворового человека. Правда, в записи, составленной в Московской крепостной конторе, обер-офицерский чин имел не составитель купчей, а его родной брат, прапорщик Иван Самойлов сын Грибенов. Максим выступал в качестве доверенного лица брата, который в письме просил его продать дворовых, получить деньги и подписать вместо него купчую²⁰. В петровское время, служа в армии, получить низший обер-офицерский чин, мог не только дворянин, но и выходец из любого социального слоя, включая крепостных. Правда, для этого требовались личные дарования и удача. К индивидуальным первейшим качествам относилась грамотность. Наблюдения показывают, что даже набранные из тяглового населения рекруты, умеющие читать и писать, не застревают в низших чинах [5, с. 156-160]. Точно известно, что оба брата были грамотными, но чем они занимались до поступления Ивана на военную службу, а Максима – в дом князя Одоевского, определить не удастся. Важно другое. Данный пример показывает относительность определения статуса по социальному происхождению или, вернее сказать, того, что привычно подразумевается под этим понятием. Если говорить о дворянах, к которым, возможно, принадлежали и братья Грибеновы, то делать это можно лишь с известными оговорками употребления этого термина применительно к первой четверти XVIII в. [6, с. 256-283]. Их пример еще раз демонстрирует, какое разнообразие социальных позиций и индивидуальных судеб являло петровское время.

«Люди» знатных особ могли самостоятельно от своего имени вступать в хозяйственные и финансовые операции, заключая различного рода частные сделки. Примером заемных операций и выплат по

¹⁹ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 878. Л. 695–697.

²⁰ Там же. Д. 544. Л. 125 об.

ним может служить поступная запись, выданная 29 октября 1703 г. В ней речь идет о том, что у «человека» боярина Т.Н. Стрешнева Кириллы Юрьева сына Загорского некая вдова заняла 35 руб. с полтиной, но в срок не отдала и по договору о займе сумма долга возросла вдвое. Кредитор пытался взыскать всю сумму с вдовы, однако в том не преуспел и предпочел передать свои права на взыскание долга другому лицу, а именно «человеку» князя А.В. Долгорукова Федоту Савину сыну Шишиптурову, получив, видимо, всю сумму²¹. Среди заемщиков встречались лица разного положения и достатка. Так, «человек» дома ближнего стольника С.А. Колычева Агафон Григорьев сын Богданов в духовной, написанной в 1719 г., упоминал в числе своих должников знатного и состоятельного гостя А.О. Филатьева. С него следовало взыскать «бесписьменно» 20 руб., что говорит о доверительных отношениях, существовавших между ними. Другой заемщик, отставной пушкарь «по письму и по закладу» оставался должен Богданову 40 руб.²².

Судя по крепостным записям, ближайшее окружение интересующих нас лиц обычно состояло из людей ранга приказных, дворцовых, монастырских служителей²³. Из подьяческой среды в основном происходили и женихи, либо ими могли быть лица, также служившие в домах знати²⁴.

Обращает на себя внимание состав душеприказчиков и свидетелей завещания Ферапонта Петровича Цыганова (1714 г.). Сам он себя причисляет к боярским людям, жившим в «боярском доме» и никаких «отцовских и родовых... пожитков» не имевших. Однако женитьба принесла ему «прибыток» в виде приданого жены Акилины Григорьевны, доставшегося ей от дяди. В завещании Ферапонта дядя величается с определением «господин», что указывает на более высокий статус семьи, к которой принадлежала жена Цыганова. Какое-то время входившая в «прибыток» недвижимость была записана на имя дядяка Гуляева, а уже позднее она «дошла» и до Ферапонта Петровича. Такая комбинация потребовалась, поскольку по его словам «в то время за боярскими людьми деревень не справливали». Эти детали, прописанные в завещании, должны были убедить всех, что именно жена, «а не другие», «сухая наследница» его суздальских деревень, московского и загородного двора. Вероятно, именно через жену и ее родст-

---

²¹ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 795. Л. 481.

²² Там же. Д. 544. Л. 30–31.

²³ Там же. Д. 541. Л. 47 об.; Д. 624. Л. 559 об.–560.

²⁴ Там же. Д. 544. Л. 41–41 об.

венников бывший «боярский человек» завел «приятелей» среди высшей служилой бюрократии (дьяки Я.К. Борин, Н.А. Панов, обер-фискал А.Я. Нестеров). Относительно последнего стоит заметить, что он сам происходил из «боярских людей», из числа которых одни, подобно ему или выше упомянутых «прибыльщикам» А.А. Курбатов и В.С. Ершова, вошли в чиновную среду, а другие, служа в домах знати, обретали известный достаток, хотя и продолжали именоваться в приложении к кому-то с прибавлением слова «человек».

В целом семейно-правовые документы позволяют считать лиц, находившихся в услужении в частных домах и определяемых термином «человек» такого-то, как достаточно сложившуюся группу, занимавшую определенное место в общественной среде. Оно характеризовалось устойчивыми связями и отношениями делового и матримониального характера не только внутри этой группы, но и за ее пределами. Эти отношения, выстраиваемые на личностном уровне, скрепляли постоянно создаваемые в реалиях жизни социальные категории в гибкую и подвижную конструкцию «разночинцев»²⁵. Не имеющая четких правовых и административных определений данная социальная категория в XVIII в. являла собой, хотя и меняющуюся, но постоянную социальную реальность, воспроизводство которой отражало подвижность социальной структуры российского общества раннего Нового времени.

1. *Виртшафтер Э.К.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / Под ред. А.Б. Каменского. Пер. с англ. Т.П. Вечериной. М., 2002.
2. Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Составление, вводная статья и комментарии Н.В. Козловой. М., 2002.
3. *Граф Павел Шереметев.* Владимир Петрович Шереметев 1668-1737. Т. 1. М., 1913.
4. *Жуковская А.В.* От поручения к учреждению: А.А. Курбатов и «крепостное дело» при Петре I // Очерки феодальной России. Вып. 13. М.; СПб., 2009.
5. *Козлова Н.В.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII в. М., 2010.
6. *Петрухинцев Н.Н.* Консолидация дворянского сословия и проблемы формирования оформляющей его терминологии // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682-1750). М., 2013.
7. *Серов Д.* Администрация Петра I. М., 2008.

---

²⁵ О категории разночинцев как показателе сложности и подвижности социальной структуры российского общества см.: [1].

8. *Серов Д.О.* Из жизни Д.А. Соловьева, архангелогородского обер-комиссара // Архангельск в XVIII веке / Сост. и отв. ред. Ю.Н. Беспятых. СПб., 1997.
9. *Тихонов Ю.А.* Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). М., 2008.
10. *Федюкин И.* Роль административного предпринимательства в петровских реформах: Навигацкая школа и позднемосковские книжники // Российская история. 2014. № 4.